

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ США: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ И РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Круглый стол

1 марта 2018 года Дипломатической академии состоялось совместное заседание Экспертного совета ПИР-Центра и Дискуссионного клуба Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. На заседании обсудили ядерную политику новой администрации США, а также вызовы и возможности, которые она несет для России и режима ядерного нераспространения. В заседании приняли участие 27 экспертов, ведущих специалистов, бывших военных, а также молодых исследователей, занимающихся изучением военных аспектов безопасности.

Основной доклад по новому обзору ядерных сил США, вышедшему в феврале 2018 года, представил консультант ПИР-Центра Андрей **Баклицкий**. С комментариями также выступили директор программы ПИР-Центра «Россия и ядерное нераспространение» Адлан **Маргоев**, начальник отдела военно-стратегических проблем департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Александр **Трофимов**, а также председатель Совета ПИР-Центра Евгений **Бужинский**. В дискуссии после докладов приняли участие член Экспертного совета ПИР-Центра Владимир **Рыбаченков**, академик РАН, член Дирекции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) Владимир **Барановский**, проректор по научной работе Дипломатической академии России Олег **Иванов**, руководитель научного направления Института США и Канады РАН Павел **Золотарев**.

АНДРЕЙ БАКЛИЦКИЙ: Первое, на что нужно обратить внимание: Обзор ядерной политики – это не мнение президента Трампа, команды Белого дома или Совета по национальной безопасности. Это мнение Пентагона, национальных лабораторий министерства энергетики и ряда экспертов консервативного направления. Документ более *правый* по политическому спектру, учитывая, что его готовили назначенцы новой администрации, но в целом это скорее *мейнстрим* американского стратегического мышления.

Чтобы узнать, как видит мир Дональд Трамп, я бы порекомендовал посмотреть Стратегию национальной безопасности, подготовка которой больше задела президента и его администрацию. В ней система международных отношений выглядит как соперничество великих держав, в том числе России и Китая, которым можно управлять и в рамках которого можно взаимодействовать и добиваться своих целей. Судя по тому, что мы видим и читаем, Дональд Трамп не видит Москву и Пекин смертельными угрозами для США.

Мы всё ещё ждем публикации Обзора противоракетной обороны США. Когда документ выйдет, это будет вторая важная составляющая того, как Америка видит стратегические силы и стратегическую стабильность в отношениях с Россией. Но пока важно оценить уже вышедший документ – Обзор ядерной политики США (*Nuclear Posture Review*).

НОВЫЕ ЯДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ?

Наверное, самое важное отличие нового Обзора ядерных сил от предыдущего: стратегия Барака Обамы предполагала, что роль ядерного оружия будет снижаться, ядерные арсеналы будут сокращаться, главным будет борьба с ядерным терроризмом и нераспространение. Новый документ говорит о том, что ядерное оружие – важнейший инструмент обеспечения безопасности США, который нужно широко использовать для самых различных целей. Не предполагается никакого сокращения ядерного арсенала в рамках ДНЯО – упоминание о статье VI сохраняется в документе для галочки. Как и можно было ожидать от республиканской администрации, ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) на повестке не стоит. И в документе есть указания на то, что при определенных условиях Америка может возобновить проведение ядерных испытаний. Вряд ли это вопрос ближайшего времени, но такой вариант рассматривается.

Другой важный момент – это расширение сценариев применения ядерных сил. Хотя при Бараке Обаме США формально не брали на себя обязательство не применять

ядерное оружие первыми и не ограничивали использование ядерных сил ответом на ядерный удар, общее понимание роли стратегических сил двигалось в этом направлении. Новая администрация сформулировала условия намного шире: «ядерное оружие может быть использовано в ответ на атаку против гражданского населения или инфраструктуры США, их союзников и партнеров, нападение на ядерные силы США и их союзников, их систем управления и генерального предупреждения». Это максимально широкая формулировка: теоретически кибератака, которая выводит из строя энергетическую систему Соединенных Штатов, попадает под возможности для применения ответного ядерного удара. Я уже молчу о том, что нет никакого официального списка партнеров США. На мой взгляд, подобные формулировки не очень отвечают интересам самого Вашингтона, поскольку, чем больше вы размываете границу применения ядерного оружия, тем меньше другие страны будут на нее реагировать. Если противник может ответить ядерным оружием примерно на что угодно, то зачем вообще учитывать этот факт при планировании?

Нужно отметить, что Соединенные Штаты, значительно превосходящие остальные страны по расходам на вооружение и обладающие мощным ядерным арсеналом, подготовили Обзор ядерных сил, подходящий скорее очень неуверенному в своих возможностях государству. В тексте встречаются отсылки к отставанию США от своих соперников и необходимости их догонять. Конечно, отчасти это способ убедить Конгресс в необходимости увеличить финансирование ядерных сил, но и определенный срез взглядов руководства военного ведомства.

В технологическом плане Обзор ядерной политики предполагает создание новой боеголовки малой мощности для баллистических ракет подводных лодок и новой крылатой ракеты морского базирования в ядерном оснащении. Крылатые ракеты морского базирования уже стояли на вооружении США, они были сняты при Обаме, но уже со времен Буша-младшего не использовались. Их планируют создать заново. Не единственная, но основная причина, по которой американцы разрабатывают новые ядерные вооружения – ответ на якобы существующую российскую стратегию *эскалации с целью дэскалации*. Это теория о том, что Россия готова применить, ядерное оружие малой мощности на ранней стадии конфликта для того, чтобы выйти из него с максимальными для себя выгодами.

Эта теория долгое время распространялась в американских академических кругах, фактов, подтверждающих ее сколько-нибудь, нет существует, тем не менее, при Трампе она попала в официальную ядерную доктрину. Дилемма заключается в том, что, если Россия нанесет маломощный ядерный удар, американцам не будет чем на него ответить без использования стратегических сил и начала полномасштабной ядерной войны. С целью ликвидации этого отставания они и хотят создать новую ракету и новую боеголовку.

Последний любопытный момент – предполагаемые российские ядерные и неядерные атаки в Европе планируется сдерживать комбинацией ядерных сил США, ядерных сил НАТО в Европе и ядерных сил Великобритании и Франции. Это замечательно ложится на то, в чем мы давно подозревали и обвиняли западных партнеров: они действуют

вместе. На это Париж и Лондон всегда заявляли, что они независимые государства и сами решают, что делать со своим ядерным арсеналом, но американцы, видимо, так не считают.

ОСТАНЕТСЯ ЛИ ДОКТРИНА НА БУМАГЕ?

В США новый Обзор ядерной политики вызывает заметную критику *слева и из центра* – в первую очередь, со стороны экспертного сообщества. При этом, Белый дом и Госдепартамент в этой дискуссии почти не участвуют. Первое, что вызывает экспертную критику – это *эскалация с целью деэскалации*, потому что сложно основывать часть стратегии на теории, которая не подтверждена фактами.

Второй вопрос, который занимает американских экспертов – это дискриминация по мощности заряда. Если маломощная боеголовка загружается на баллистическую ракету и запускается с подводной лодки, то, во-первых, как атакуемая страна должна понять, запускают по ней маломощную, а не обычную боеголовку, а во-вторых, угадать, что по ней запускается ракета с одной боеголовкой, а не разделяющейся? Ракеты *Трайден* могут нести 8 боеголовок, а две такие ракеты – это 16 боеголовок – достаточно для уничтожения всех ядерных сил КНДР. Таким образом, «точечный» удар малой мощности баллистической ракетой подводных лодок может быть воспринят как стратегический и вызвать полномасштабный ответ.

Следующий обсуждаемый вопрос – это стоимость. В США уже идет масштабная модернизация ядерных сил, обновляется вся триада: запланированы новые подводные лодки, новые бомбардировщики, новые ракеты. Пентагон тратит на модернизацию и разработку новых зарядов с сопутствующими расходами около одного триллиона долларов. Это то, что планировал еще Барак Обама. При этом Пентагон хочет добавить несколько новых видов вооружений. Дальше дело за Конгрессом. Именно он будет решать, стоит ли оплачивать эти пожелания и в каком объеме.

Если обратиться к бюджетной сфере США, то администрация направила бюджетный запрос на 2019 год – там не запланировано финансирование крылатой ракеты морского базирования, и есть только часть фондов для боеголовки малой мощности. Остальное, скорее всего, будет запрашиваться уже 2019 году, при этом нужно помнить, что выборы в Конгресс состоятся уже в 2018 году, и не исключено, что республиканцы потеряют большинство в парламенте. В 2020 году Соединенные Штаты ждут уже президентские выборы – по их результатам может смениться и администрация. Как показывает практика, обзоры ядерных сил – скорее визионерский документ, который обычно приходится воплощать уже следующей администрации или во второй срок президента.

Что касается крылатой ракеты морского базирования, ее не просто так в свое время сняли с использования. Министр обороны США Дональд Рамсфелд обращался к ВМФ с тем, чтобы они начинали разработку новой ракеты в связи с окончанием срока старой. Флот под разными предлогами от этого отказывался, поскольку ядерное оружие

создает много проблем, появляются сложности с заходом в порты союзников, любой инцидент превращается в ядерный инцидент и так далее. А в военном плане ее использовать нельзя, поскольку это стратегическое ядерное оружие. В свое время флот не дал этой идее реализоваться. Не исключено, что и в этот раз будет сопротивление со стороны военно-морских сил. Ведь каждый миллиард долларов, который вы получаете на разработку ядерного оружия, – это минус миллиард долларов, которые вы могли бы потратить на корабли или ракеты, или что-нибудь другое, что вы можете использовать.

Четвертый пункт касается ядерной боеголовки малой мощности. Сейчас существует закон, принятый Конгрессом, о том, что министр энергетики должен получить одобрение от Конгресса на разработку любой новой боеголовки малой мощности. Если запрос поступит в демократический Конгресс, можно предположить, что эти планы будут встречены с меньшим пониманием по сравнению с республиканским Конгрессом. Так что не на 100% можно быть уверенным, что эти планы будут реализованы.

Я не исключаю, что сейчас в Пентагоне идут активные обсуждения, что делать с этим обзором дальше, потому что демонстрация новых видов вооружения в рамках послания президента России к Федеральному Собранию доказывает, что российское стратегическое мышление явно движется не в сторону *эскалации для деэскалации* или применения маломощных зарядов в Европе. Оно направлено в сторону поддержания классической стратегической стабильности. Ядерное оружие для России не оружие поля боя, а оружие сдерживания. Но, в том, что касается расширения роли ядерного оружия, то при нынешней администрации США, этот подход, сохранится.

ВЫЗОВЫ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ?

Главным негативным последствием Обзора ядерных сил нужно признать снижение порога применения США ядерного оружия и размывание *красных линий*. Важно вести с американской стороной диалог по обсуждению этих вопросов. Заочно подобный диалог начал президент России, заявивший, что любой удар по нашей стране ядерными силами будет восприниматься как стратегический, мы не станем играть в *лестницу деэскалации* и нанесем полномасштабный ответный удар.

Когда вышел прошлый Обзор ядерных сил при Бараке Обаме, в частных разговорах российские эксперты говорили, что американцы развивают свои высокоточные силы, потому что могут себе это позволить, им не нужно ядерное оружие, чтобы нанести высокоточные удары по нам. После этого Россия тоже сделала упор на высокоточное оружие, вложила в него большие инвестиции, которые окупились. Мы видели применение всего того, что было разработано, в Сирии, ракет воздушного и морского базирования. В нашей военной доктрине появилось стратегическое неядерное сдерживание. При том, что американцы усиливают значение ядерного оружия в своей доктрине, нам ни в коем случае не нужно разворачиваться в эту сторону. Даже если они считают, что им по какой-то причине это нужно, Россия показала, что неядерное

высокоточное оружие решает задачи поля боя, а стратегические силы выполняют сдерживающие задачи, и наша стратегия себя оправдывает.

Когда американцы чувствуют себя уязвимыми, они пытаются компенсировать эту реальную или выдуманную уязвимость набором новых возможностей. С таким же успехом они могли бы ее компенсировать и заключением новых договоренностей с Россией. Например, красной нитью по новому документу проходит возрастание возможностей противоракетной обороны (ПРО), и необходимость создания новых ракет на случай, если существующие системы не смогут преодолевать ПРО противника. На протяжении десятилетий Россия заявляла, что системы ПРО представляют угрозу для наших сил. И теперь американцы тоже это видят, и с развитием наших систем *C-500* нам есть, о чем разговаривать с американцами. И не о том, чтобы они отказались от своей ПРО, а о том, что у нас есть схожие возможности, давайте обсуждать, как сделать так, чтобы они не мешали друг другу. То же самое касается гиперзвуковых технологий. В послании к Федеральному Собранию Владимир Путин заявил, что Россия активно продвинулась в их развитии. Мы знаем, что то же самое верно и для американцев. Давайте обсуждать реально существующие вооружения и технологии, которые есть у обеих сторон.

Структура ядерных сил США и России сближается, и она ближе, чем когда-либо: сближается количество стратегических подводных лодок, американцы планируют создать крылатую ракету морского базирования, у нас уже есть активно применяемый *Калибр*, такая же ситуация наблюдается и с крылатыми ракетами воздушного базирования.

Что касается крылатых ракет, я уверен, что наша новая ракета заставит американцев, как минимум, начать предметный разговор. Классический американский подход – мы не обсуждаем ракеты морского и воздушного базирования, они отдельно, разговариваем только о наземном базировании. Но, может быть, ракеты с неограниченным запасом энергетического хода и ядерной силовой установкой заставят их поменять свое мнение?

Важно, что новый Обзор ядерных сил США не призывает страну нарушать какие-либо существующие международные договоры. В нем также не заявлена необходимость разработки крылатой ракеты наземного базирования, что оставляет возможность для сохранения Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). Допускается как продление Договора о мерах по дальнейшему сокращению ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), так и заключение новых договоров в сфере контроля над вооружениями с Россией и дальше. Конечно, принимать решения об этом будет президент США, но, по крайней мере, Пентагон не настроен резко против, что тоже неплохой знак.

Таким образом, не сам Обзор ядерных сил, а то видение мира, которое за ним стоит, может оказаться благоприятным для ведения переговоров о контроле над вооружениями, удовлетворяя интересы всех сторон.

ВЛАДИМИР РЫБАЧЕНКОВ: У меня несколько коротких замечаний и вопросов. Первое – сделалось ли возможным установление эквивалентности между стратегическими подводными силами России и США? Не совсем так. В декабре 2017 года вышел отчет Счетной палаты США (Government Accountability Office), где на 100 страницах описана вся программа создания нового поколения стратегических лодок *Колумбия*, и речь в ней идет не о восьми, а о 12 лодках. Первая вступит в строй в 2031 году, это совершенно новое поколение. В чем ее потрясающее качество? Срок годности – 42 года

без необходимости перезагрузки ядерного топлива. А что такое подводная лодка *Огайо*? Там каждые 19 лет надо было перезагружать топливо, и для этого она ставилась на прикол почти на четыре года: за это время менялось топливо, а также проводился профилактический ремонт. Из 14 нынешних лодок *Огайо* по меньшей мере три или даже четыре стояли на приколе. Что касается российских подлодок, я не знаю, сколько их у нас будет, возможно, восемь. Американские лодки ходят на высокообогащенном уране, наши – на среднем. По некоторым данным, нам приходится перезагружать лодки каждые 10 лет. Чувствуете разницу? Поэтому с эквивалентностью не очень получается: у них 12 лодок, у нас 8, и им не надо перезагружать их в течение 42 лет.

Второе замечание – в декабре 2017 года Национальное агентство по ядерной безопасности США (National Nuclear Security Administration) направило доклад в Конгресс, который называется Программа поддержания боеготовности ядерного арсенала (Stockpile Stewardship and Management Program). Там нет ни одного упоминания о разработке боезаряда малой мощности для стратегической подводной лодки. Речь идет в основном об обновлении ядерных зарядов в рамках так называемой Программы продления срока действия жизни зарядов (Life Extension Program). Но что интересно, в Вашингтоне только что прошла очень представительная конференция по ядерному сдерживанию, где члены Лос-Аламосской национальной лаборатории сделали заявление о том, что готовы приступить к разработке боезаряда малой мощности, если администрация этого потребует. Хотя я понимаю, что без разрешения Конгресса Лаборатория не будет заниматься разработкой.

В свое время, в 1993 году, Директивой президента был установлен срок возобновления ядерных испытаний в размере 24 месяцев. Теперь в этой программе поддержания боеготовности ядерного арсенала предлагается сократить его до шести месяцев. Вы представляете, что это такое? А вы говорите, какие перспективы ратификации ДВЗЯИ? Нет никаких перспектив. Пока это предложение, но оно уже сделано. Еще раз повторяю: сократить сроки боеготовности к возобновлению ядерных испытаний до шести месяцев – это очень зловеще.

ЕВГЕНИЙ БУЖИНСКИЙ: Все четыре недавних документа, которые отражают американское видение в области применения ядерного оружия (Стратегия национальной безопасности США, Стратегия национальной обороны, военная стратегия и обзор ядерной политики США), хоть и были подготовлены разными ведомствами, но декларируют одну и ту же смену приоритетов. Наиболее ярко это выражено в военной стратегии США: там говорится, что в настоящее время главным элементом национальной стратегии Соединенных Штатов в области обороны является не борьба с терроризмом, а межгосударственное стратегическое соперничество. Безусловным приоритетом является долгосрочное стратегическое соперничество с Россией и Китаем. И если во всех предыдущих стратегиях Россия и Китай определяются как региональные державы, представляющие для США угрозу регионального масштаба, то нынешняя характеризует их как глобальных игроков с глобальными амбициями.

Кроме того, в трех предыдущих документах отмечалось, что в мире не существует экзистенциальной угрозы для США, потому как нет такой страны на планете, которая могла бы угрожать самому существованию Соединенных Штатов. В новом документе отмечается, что Россия, и, в меньшей степени, Китай, такой угрозой для США являются. Поэтому, несмотря то, что на сегодняшний день стороны хотят сохранить сотрудничество и хорошие отношения, документ выдержан в конфронтационном ключе. Следует подчеркнуть, что он содержит очень много ложных посылок и иллюзий. Один из примеров таких ложных посылок – упоминаемая в документе концепция *эскалации для деэскалации*.

Что касается факта принятия Соединенными Штатами на вооружение крылатой ракеты морского базирования в ядерном оснащении (по сути, *Томагавки* в ядерном оснащении), то его можно рассматривать как ответ на якобы «нарушение» Россией договора по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД). США озвучили условия, при которых развернут эти ядерные томагавки. К ним относятся прекращение Россией переговоров по сокращению нестратегического ядерного оружия, а также продолжение нынешней линии геополитического поведения. На мой взгляд, эти два условия относятся к области фантастики: ведь эти ракеты были на вооружении у Соединенных Штатов до 2012 года и тогда России никто ультиматумов не выдвигал. В рамках односторонней инициативы США сократили нестратегическое ядерное оружие, оставив на вооружении только бомбы свободного падения *B-61* и эти *Томагавки* в ядерном оснащении. А в 2012 году Барак Обама распорядился снять с вооружения и их.

Еще одна ложная посылка, фигурирующая в документе, заключается в уверенности, что возвращение этих ракет на вооружение сподвигнет Россию к заключению новых соглашений по нестратегическому ядерному оружию (это аналогия с 1980-ми годами, когда США развернули свои ракеты средней дальности в Европе).

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ: Многие видели комментарий, опубликованный Министерством иностранных дел 3 февраля. Он был сделан как раз после того, как Обзор ядерной политики (или ядерная доктрина) был прочитан, и мы убедились, что из ревизионистской державы, которой Россия была определена в другом доктринальном документе – Стратегии нацбезопасности США, она превратилась фактически в главного противника по ядерным делам. Да, в этом контексте упоминаются Китай, Иран, Северная Корея и даже возможность ядерного терроризма. Однако на фоне всех усилий России, нацеленных на конструктивный диалог с американцами, эта

квалификация выглядит несколько удручающей.

Вопросы остаются не только в связи с назначением России «главным агрессором», но и к ключевым положениям доктрины. Она разительно отличается от предыдущей. Первое впечатление – американские стратеги начали возвращаться к старым представлениям о том, что можно вести ограниченные ядерные войны и даже выигрывать их с минимальным для себя ущербом. Если это действительно так, то это вызывает определенную озабоченность.

В связи с этим документом возникает много других вопросов. Почему американцы считают, что одной из российских установок является так называемая *эскалация для дезэскалации*? Для чего им нужна маломощная ядерная боеголовка на баллистической ракете подводной лодки? Учитывают ли они тот факт, что при запуске подобного средства мощность ядерного заряда не играет никакой роли для систем обнаружения? И почему создание маломощных зарядов надо оправдывать так называемыми российскими «нарушениями» Договора о РСМД? Это все требует пояснений, это вопросы для профессионального разговора специалистов как из правительственной и военной сфер, так и для экспертов.

Похоже, что решение написать доктрину в том виде, как она есть, не конъюнктурное. Я хотел бы обратить внимание на заявление бывшего министра обороны США Эштона Картера в сентябре 2016 года. Уже тогда он упоминал о зарядах малой мощности, обновлении ядерных тактик в рамках НАТО. Так что есть определенное подозрение, что ряд положений новой доктрины формулировался уже некоторое время назад, и нынешняя Администрация США посчитала возможным вывести их в публичную плоскость (т.е. включить в доктрину).

Очевидный негативный посыл обзора ядерной политики – это четкое подтверждение того, что ратификации ДВЗЯИ не будет. Как это вяжется с призывом к остальным странам воздерживаться от ядерных испытаний? США этот мораторий тоже, вроде,

поддерживают, но могут в любой момент отказаться от него, если это им потребуется. Снижение порога использования ядерного оружия тоже вызывает опасения. В доктрине пытаются показать, что все, что в США делают, повышает уровень сдерживания и порога использования ядерного оружия. Но я слышал мнение многих, в том числе американских экспертов, и они не согласны с этим тезисом. Подобные шаги не придают стабильности международным отношениям и требуют глубокого обсуждения.

Закрывает ли эта доктрина возможности для разговора с американцами? Конечно, нет. Некоторые моменты нам не нравятся, выглядят странно и может даже агрессивно, но остается там и тезис о том, что Соединенные Штаты не желают видеть Россию противником и заинтересованы в конструктивном диалоге. На фоне остальных положений доктрины это может выглядеть немного даже лицемерно, но хорошо уже то, что этот тезис там остался. Работа МИД заключается в том, чтобы разговаривать с партнерами из других стран, и я очень надеюсь, что у профессионалов и экспертов, в том числе из других ведомств, будет возможность задать вопросы американским специалистам по ядерной доктрине.

Посмотрим, как будет развиваться российско-американский диалог по стратегической стабильности. Мы от него не уходим, и он продолжается. Есть встречи и контакты, которые не всегда освещаются публично. Есть намерения продолжать взаимодействие и по линии посольств. Мы намерены задавать вопросы американцам и хотим получать от них ответы. Важно понимать, как они хотят использовать ядерное вооружение, какие установки они собираются продвигать дальше на международных площадках. Мы будем анализировать этот и иные документы с точки зрения обеспечения безопасности России и рассчитываем, что американцы будут отвечать нам конструктивно и без политизации.

ВЛАДИМИР БАРАНОВСКИЙ: Во-первых, новый ядерный обзор нас должен вообще-то радовать. Во время обсуждения прозвучала мысль о том, что весь этот обзор построен на многих ложных посылах. И это хорошо, учитывая то, как мы себя позиционируем в отношении Соединенных Штатов и как они позиционируют себя в отношении нас.

Во-вторых, перемещение внимания с борьбы с терроризмом на ядерные угрозы и геостратегическое соперничество с Россией, с Китаем и так далее тоже должно нас радовать. Можно сказать, что откровенно был продемонстрирован *звериный оскал американского империализма*. Нас больше никто не вводит в заблуждение. Все понимают, что они против нас, и это дает нам основание в максимально возможной степени мобилизовать свои силы и устремления против них.

В-третьих, обратите внимание на то, что очень многие тезисы, которые или прямо, или имплицитно присутствовали в наших представлениях о ядерном оружии, о ядерном сдерживании, оказались в новой ядерной доктрине США. Их можно перечислить на пальцах одной руки. Первое – расширение роли ядерного оружия, что, безусловно, является новацией в сравнении с предыдущим обзором. А что мы говорим на протяжении многих лет? За что мы критиковали Барака Обаму, когда он выступил со своими глупыми идеями на счет ядерного разоружения? Мы считали, что американцы хотят лишить нас той возможности, которая у нас есть – противостоять Соединенным Штатам. Они хотели с помощью обычных вооружений добиться стратегического превосходства. «Не дадим!» – сказали мы им. Сейчас нам американцы говорят: «Не дадите, и хорошо. Если вы хотели, чтобы в ядерной области продолжалось соперничество, оно будет продолжаться. Мы расскажем, что мы будем делать в этой области». То есть смирились с тем, что мы были правы. Кроме того, новые положения о возможности применения ядерного оружия в этом Nuclear Posture Review перекликаются с тем, что сформулировано в нашем подходе, который закреплен в военной доктрине и разных выступлениях.

Что касается ядерного оружия малой мощности, то оно снижает порог ядерной войны и имеет свои дестабилизирующие последствия, но давайте не будем забывать, что это тема не новая. Я вообще не думаю, что эта ядерная стратегия действительно дает какие-то новые идеи. В области ядерной стратегии все основное уже было сказано и сформулировано в 1960-1980-е гг. С тех пор никаких новых любопытных идей не появилось. Можно сколько угодно возмущаться, что признается возможность ограниченной ядерной войны в связи с наличием ядерного оружия низкой и малой мощности. Но мы с вами хорошо знаем, что надо отделять пропаганду, очень уместную и нужную, от военных оценок и оперативного планирования.

Если бы все было так просто, то нам нужно было бы найти ответ на один вопрос – зачем нам тактическое ядерное оружие? Если мы считаем, как сказал глубокоуважаемый Евгений Петрович Бужинский, что любое применение ядерного оружия закончится стратегическим обменом (и он, наверное, прав) – то не нужно никакого тактического ядерного оружия. Речь идет о серьезной концептуальной вещи. Которая должна была бы стать предметом серьезных дискуссий. И для военных, и для гражданских стратегов. Но об этом Соединенные Штаты говорят открыто, а у нас этот вопрос, как мы знаем, более закрытый. Может быть, это правильно – но вопрос в результате не становится более ясным.

Пару раз здесь обсуждался вопрос об *эскалации ради деэскалации*. Звучит немного в кафкианском стиле. Я хочу напомнить старую – из прошлого века – концепцию *эскалационного доминирования*. Она ставила задачу доминировать в случае эскалации конфликта, чтобы иметь в любой момент возможность закончить его на приемлемых для себя условиях или заставить своего противника встать на путь деэскалации. Может быть, сегодня здесь и есть что-то новое – но оно как-то не очень просматривается. Ни концептуально, ни даже по используемой терминологии.

ОЛЕГ ИВАНОВ: Небольшое возражение на выступление уважаемого академика Барановского. Все-таки, когда речь идет о такой стране, как Соединенные Штаты, и о ядерном оружии, то неправильный посыл ведет к неправильной оценке, а она – к неправильной политике. Это опасно не только для России и других стран, но и для самих Соединенных Штатов. Хотелось бы, чтобы политика строилась на верных посылах.

ВЛАДИМИР БАРАНОВСКИЙ: Надеюсь, коллеги смогли почувствовать некий сарказм в моих словах.

ОЛЕГ ИВАНОВ: Что касается самой доктрины, то интересной, на мой взгляд, представляется одна из функций ядерного оружия, последняя по счету – способность реагировать на непредвиденные ситуации в будущем. Эта функция представляет большое поле для диалога между российской и американской сторонами для того, чтобы понять, что они понимают под «непредвиденной ситуацией», какого рода сценарий. Без ясности и прояснения этого момента *туман войны* останется нерассеянным, будет только затруднять наши оценки и анализ и возможно приведет к неправильному принятию решения.

Стоит иметь в виду, что тактическое оружие и стратегическое оружие нужно разводить, но все-таки тактическое традиционно считается *оружием поля боя*. И этот принцип известен со времен Холодной войны: *use or lose*. Он может где-то сработать. Подводные лодки и самолеты, как известно, будут оснащены ядерным оружием – они тоже нацелены на применение тактического оружия. И тут возникает вопрос: касается ли это только нас? Это даже в большей степени может коснуться других стран, таких как КНДР и Китай, поскольку тактическое ядерное оружие – оружие не противоценностное, а противосиловое, и оно будет нацелено на какие-то конкретные точки: либо это будут ядерные объекты этих стран, либо иные жизненно-важные объекты, но они могут рассматриваться США как вполне применимое средство. Интересно, что в прошлом году в одном из своих выступлений директор ЦРУ Майк Помпео заявил, что в долгосрочной перспективе не Россия, а Китай представляет большую угрозу для США в силу темпов экономического развития и темпов развития военного потенциала, поэтому наших китайских партнеров этот аспект непредвиденной ситуации, возможно, может интересовать даже еще больше, чем нас. По крайней мере, не меньше.

Интересно, например, как китайцы рассматривают эту стратегию, насколько близки наши и их позиции, насколько мы понимаем друг друга. Мы видим широкий арсенал возможностей, который требует прояснения и изучения. Наше сегодняшнее мероприятие – небольшой шаг в правильном направлении, а МИДу следует не прекращать диалог не только с США, но и с другими партнерами.

ПАВЕЛ ЗОЛОТАРЕВ: Хотел бы разделить радость Владимира Георгиевича, но аргументация немного другая. Если мы посмотрим на те документы, которые сейчас приняты администрацией Дональда Трампа, то между ними просматривается достаточно четкая логическая взаимосвязь. Если мы начнем со Стратегии национальной безопасности, то, наверное, следует обратить внимание, что Китай и Россия – государства, которые представляют вызов для США, но не угрозы. Китай и Россия рассматриваются в качестве конкурентов, соперников. При этом подчеркивается, что конкуренция вовсе не предопределяет конфронтацию. Что касается угроз, то они привязаны совершенно к другим агентам. В той же Стратегии отмечается, что сейчас Соединенные Штаты не особо волнует баланс ядерного оружия, главное – это решение задач сдерживания и снижения рисков применения ядерного оружия.

Сохраняет актуальность и ранее объявленный курс на снижение роли ядерного оружия. Я думаю, это свидетельствует о том, что разработка современных средств высокоточного оружия будет продолжаться. Но поскольку с ядерным оружием нам жить еще долго, а свою сдерживающую роль оно уже доказало, то надо определиться с условиями его возможного применения. Без таких условий его сдерживающая роль невозможна. Принципиально новым является смещение Соединенными Штатами проблемы ядерного сдерживания с глобального на региональный уровень.

В целом курс на перенос роли ядерного сдерживания на региональный уровень совершенно четко прослеживается в том документе, который мы называем ядерной доктриной. Здесь я хотел бы обратить внимание на те сложности, которые невольно возникают, если вы ставите такую задачу: мы должны сформулировать условия применения ядерного оружия на региональном уровне. Проблемы безопасности сейчас действительно сместились на региональный уровень. С одной стороны, политически необходимо обосновать и сформулировать четкие условия применения ядерного оружия, иначе какова сдерживающая роль ядерного оружия, если вы не будете говорить, что есть какие-то условия, при которых вы сможете его применить? С другой стороны, вы должны их обозначить как можно более мутно, потому что, чем больше неопределенности в условиях применения ядерного оружия, тем больше его сдерживающая роль. Поэтому, когда мы пытаемся здесь рассуждать о том, что же имели в виду США под теми или иными условиями применения ядерного оружия, пытаться конкретизировать их – это бесполезное, ненужное и вредное занятие. Вполне естественно, что США привязали эти условия к тем задачам сдерживания, которые сейчас не получается решить – это и киберугрозы, и терроризм, и все что угодно. Другое заранее на региональном уровне придумать трудно. Поэтому, считаю, что для озабоченности о снижении порога применения ядерного оружия нет оснований. Я

здесь бы не рефлексировал и не скатывался в паранойю, которая прозвучала со стороны некоторых политиков и экспертов.

Что касается маломощных ядерных зарядов, мне кажется, что здесь проблема заключается в том, что, перенося акцент на региональный уровень, США учитывают, что у них значительно меньше тактического ядерного оружия, чем у нас. И здесь логично обозначение возврата к *Томагавкам* (что они сделали), плюс США обозначали возможность установки на *Трайденты* маломощных боезарядов, хотя я не думаю, что они этим будут заниматься. Тем самым они перекрывают возможность критики и воплей по поводу того, что им нечем обеспечивать ядерное сдерживание на региональном уровне. Чтобы обеспечивать региональное сдерживание, необходимо иметь ядерное оружие или средства доставки. Вот они и прописали *Трайденты*. Мне кажется, другой причины появления в обзоре ядерной политики маломощных боезарядов нет.

По противоракетной обороне. Понимаю, что где-то декларативны заявления о том, что система ПРО США не нацелена на Россию или Китай. Но реальность такова, что такая задача применительно к стратегическому ядерному арсеналу России не ставится и на всю обозримую перспективу создаваемая система ПРО США не будет способна нам угрожать. Думаю, в ближайшее время мы увидим очередной обзор, касающийся ПРО. Правда, после сегодняшнего послания президента России к Федеральному Собранию я не уверен, что те, кто настаивал на развитии ПРО в части обороны американского континента, не получили весомые аргументы: ведь картинка была очень яркая, с траекториями ракет через Северный полюс, через Южный.

А что касается возможной разработки новых вооружений, наверное, надо учитывать, что те, кто работают в этой сфере, а именно физики-ядерщики, не должны терять квалификацию. Тут пугаться не стоит, мы тоже были озабочены этой проблемой. Американцы утверждают, что будут придерживаться моратория, хоть и не ратифицируют ДВЗЯИ. Думаю, к этому надо относиться достаточно спокойно.

Хочу повторить, что новый обзор ядерной политики США должен вызывать больше положительных эмоций, чем отрицательных, если смотреть в совокупности с теми документами, которые были и есть – они открывают возможности для движения вперед. Здесь просматривается и возможность продления договора по СНВ, задача сохранения РСМД, хотя были справедливые предположения, что в Америке есть политические силы, которые не против выйти из этого договора, потому что можно иметь ракеты средней дальности в неядерном оснащении, и они бы не помешали в Тихоокеанском регионе, учитывая возможности Китая. Положительно, что американцы настроены на сохранение этого договора, и нужно скорее задуматься о том, как с американцами найти общие позиции, чтобы прекратить друг друга обвинять и снять накопившиеся противоречия.

ПОСТРАДАЕТ ЛИ РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ?

АДЛАН МАРГОЕВ: Контролю над вооружениями и вопросам нераспространения ядерного оружия авторы нового Обзора ядерной политики США уделяют три последних страницы, и тот факт, что на 70-й странице они признают ДНЯО краеугольным камнем в области международной безопасности, не рассеивает мрачные перспективы обзорного процесса ДНЯО.

Нынешний обзорный цикл идет с 2016 по 2020 гг., обсуждения ведутся по трем столпам ДНЯО: нераспространению, разоружению, мирному использованию атомной энергии. Новая ядерная доктрина не содержит положений в области мирной атомной энергетики, разве что повторяется традиционная позиция о необходимости максимального ужесточения контроля над ядерными технологиями, знаниями и их распространением в мире.

Ключевые проблемы, которые можно наметить в рамках нынешнего обзорного процесса, лежат в области нераспространения и разоружения. На Обзорной конференции 2015 года итоговый документ не был принят из-за разногласий по поводу создания зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке (ЗСОМУ). Эта проблема сохраняется, и недовольство арабских стран, ожидающих созыв конференции по этому вопросу с 1995 года, будет только расти. В этом контексте тот факт, что в Обзоре ядерных сил США иранский вопрос считается нерешенным, не сулит успехов усилиям по созданию ближневосточной ЗСОМУ: если США разрушат СВПД с его механизмами верификации в отношении иранской ядерной программы, то возобновление многолетнего противостояния между Ираном и США в отсутствие договоренностей подрвет любые переговоры по ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

Позиция США по Ирану и СВПД негативно повлияет на обзорный процесс еще и в контексте корейского урегулирования. Если США не признают очевидно мирный характер ядерной программы Ирана и подозревают ее руководство в намерениях по созданию ОМУ, то американские негативные гарантии безопасности не будут распространяться на Иран – исключительно из-за убеждений руководства США в нарушении Ираном положений ДНЯО. Сложно представить, на что должно рассчитывать руководство Северной Кореи от каких-либо переговоров с нынешней администрацией США, если ее убеждения одерживают победу над фактами. Нерешенность вопроса денуклеаризации на Корейском полуострове будет мешать успешной работе следующей Обзорной конференции.

Новая ядерная доктрина США несет в себе мало позитивного и для процесса разоружения. Хорошо, что американцы продолжают поддержку Международной системы мониторинга и Международного центра данных, созданных в рамках

Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Куда хуже открытое допущение возобновления ядерных испытаний и отсутствие стремления ратифицировать Договор.

Расширенное ядерное сдерживание остается ключевым элементом безопасности США и их союзников, о выведении нестратегического ядерного оружия из Европы речи и быть не может. В области контроля над вооружениями важен пункт о том, что контроль над вооружениями – не самоцель США, и они будут стараться добиваться прогресса в этой области, только если это будет касаться напрямую безопасности США и ее союзников в различных регионах.

Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) одинаково нелюбим Россией и США. Трудно представить, каким образом единственный пункт, по которому наши страны соглашаются сегодня – неприятие нового договора – может помочь в работе в области разоружения. К сожалению, все, что сделала *ядерная пятерка* в рамках обсуждения этого договора, – это проведение совместной оценки угроз, которые этот договор будет представлять режиму ядерного нераспространения. Переход от батальных дискуссий в рамках обзорного процесса по поводу ДЗЯО и его негативных сторон к согласованию повестки в области разоружения показал бы, что *ядерная пятерка*, и прежде всего Россия и США, могут продвигаться в области разоружения, пусть малыми шагами. Сегодня эти шаги не сделаны.

У России есть представление, каким образом должны идти дальнейшие переговоры по контролю над вооружениями: это и вовлечение остальных членов *ядерной пятерки* в переговоры, и комплексное обсуждение всех видов вооружений, которые могут дестабилизировать стратегическую стабильность. Концептуальное понимание с нашей стороны есть, а с американской стороны этого не видно.

Есть ощущение, что это второй вопрос, помимо ЗСОМУ на Ближнем Востоке, который подорвет Обзорную конференцию 2020 года. Если с точки зрения российско-американских отношений мы будем довольны продлением Договора СНВ-3 до 2021 года, то для обзорного процесса ДНЯО этого недостаточно, потому что нынешний цикл завершается уже в 2020 году.

К этому времени градус напряженности будет только повышаться. В 2020 году ДНЯО исполнится 50 лет, и от того, каким образом мы встретим этот юбилей и с каким успехом проведем Обзорную конференцию, зависит дальнейшее состояние режима ядерного нераспространения. Если нынешний обзорный цикл провалится, то я не предвижу мгновенного падения ядерного домино, однако позитивная повестка в области ядерного нераспространения сузится до критического минимума.

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ: Я бы хотел уточнить тезис о том, что мы выступаем за подключение к процессу ядерного разоружения не только России и США, но и других стран из *ядерной пятерки* – это не совсем точно. Россия выступает за подключение к этому процессу всех других стран, обладающих военно-ядерным потенциалом. Все

остальные государства, наверное, тоже должны участвовать в создании необходимых условий, которые повышали бы и поддерживали международную безопасность. Это позволило бы в перспективе говорить об избавлении от ядерного оружия.

АЛЬБЕРТ ЗУЛЬХАРНЕЕВ: Традиционно у нас шло взаимодействие в рамках *ядерной пятерки* на обзорной конференции ДНЯО и сессиях ее подготовительного комитета. Ядерные страны пытались согласовывать свои позиции и выступать единым фронтом, отбивая атаки неядерных государств. В свете принятого в США документа есть ли у Вас какие-то ожидания или представление о том, как будет идти такое взаимодействие? Американцы оказываются не в очень хорошем свете, а Россия сейчас в лучшем положении, чем была: мы выступаем за контроль над вооружениями, соблюдение соглашений, а они напрямую отказываются от ратификации ДВЗЯИ. Мы продолжим с ними быть в одной *пятерке* или постараемся весь негатив, который обычно идет на *пятерку*, перенаправить на американцев?

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ: Сложно судить, кто находится в лучшем свете. Нам также высказывают претензии страны, придерживающиеся радикальных антиядерных позиций (так называемые *радикалы*), которые выступают за скорейшее полное ядерное разоружение.

Что касается *пятерки*, то взаимодействие в этом формате ведется давно, оно не останавливается и касается вопросов, связанных с ядерным оружием и контролем над ним. Не всегда получается приходиться к общему пониманию по тому или иному вопросу, но формат *пятерки* полезен для лучшего понимания друг друга. Речь идет не столько о том, как вместе «отбиваться» от каких-либо претензий со стороны других государств, сколько о том, чтобы посмотреть, на каких позициях каждый из нас находится, где их легко сблизить, а где для этого нужно приложить дополнительные усилия.

ВЛАДИМИР БАРАНОВСКИЙ: Если Обзорная конференция 2020 года окончится крахом, то тому могут быть ряд причин. В прошлый раз это произошло из-за того, что не удалось решить вопрос о безъядерной зоне на Ближнем Востоке. Мы знаем, что у этой проблемы было много аспектов, и она отнюдь не закрыта. Сейчас возникла новая тема, связанная с Ираном. Но позвольте высказать предположение, что в следующий раз тупик может возникнуть во многом из-за усиления имплицитного или даже открытого противостояния между *ядерной пятеркой* и *ядерными радикалами*.

Точнее было бы говорить о *неядерных радикалах* – странах, которые подписали и подпишут Договор о запрещении ядерного оружия. Но у нас в этой области, как мы

хорошо знаем, есть трогательное единство в рамках *ядерной пятерки* и *ядерной восьмерки*, я даже не побоюсь сказать - в рамках *ядерной девятки*. Существует консенсус по поводу того, что договор не нужен, что он только мешает, что он только нарушает взаимопонимание, что он создает проблемы и так далее. Этот консенсус поддерживают пять, восемь или девять ядерных держав, плюс к этому мы можем прибавить всех тех, кто возлагает надежды на *ядерный зонтик* в рамках НАТО.

А три четверти стран мира занимают противоположную позицию. Они понимают, что новый договор необязательно означает какие-то практические последствия, но, приняв договор, они выразили раздражение в отношении тех, кто имеет ядерное оружие. Развитие событий не особо движется в направлении безъядерного мира. Администрация Барака Обамы сделала символический шаг – по крайней мере, обозначила перспективу безъядерного мира. Но никто из *ядерных грандов* ее не поддержал. А теперь ситуация развивается совершенно в обратном направлении. Вот отсюда могут возникнуть более серьезные проблемы для режима ядерного нераспространения.

ОЛЕГ ИВАНОВ: Есть еще один аспект, на который нужно обратить внимание, – это тема НАТО. О НАТО мы не говорили, но известно, что США рассматривают НАТО как свой инструмент, проводят ядерную политику, есть концепция распределения ответственности – когда летчики стран, не обладающих ядерным оружием, например, Германии, а сейчас и поляки тоже, начинают учиться применять ядерное оружие в случае возникновения такой ситуации. Тактическое оружие – бомба *B-61*, а теперь уже и бомба *B-61/12*, которыми будут оснащаться эти самолеты. Ситуация опасная. От авиабазы Ласк в Польше до Москвы на *F-16* лететь час, а до Калининграда еще меньше. Мы рассматриваем факт обучения этих летчиков как нарушение ДНЯО, они не рассматривают. Я был в сентябре в НАТО в Брюсселе, мы поднимали этот вопрос, ответ был следующий: «Мы не рассматриваем это как нарушение ДНЯО, поскольку эти страны фактически не обладают ядерным оружием. А то, когда они смогут его применять, – это будет момент войны, а в момент войны ДНЯО не действует».